

На правах рукописи

Егоров Сергей Борисович

Традиционная культура южных вепсов

Специальность 07.00.07. Этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург 2014

Работа выполнена на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук Козьмин Валериан Александрович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Винокурова Ирина Юрьевна,
зав. отделом этнологии Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
кандидат исторических наук Финченко Александр Евгеньевич,
главный специалист Музея антропологии и этнографии имени Петра
Великого (Кунсткамера) РАН

Ведущая организация:

Российский этнографический музей

Защита состоится “ 28 “ октября 2014 г. в 15-00... часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.123.01 по защитам докторских диссертаций в Музее
антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 3.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МАЭ РАН

Автореферат разослан “ ”

2014 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

Кандидат исторических наук

А.И. Терюков

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В настоящее время в отечественной этнографии активно развивающимся направлением являются исследования, посвященные формированию и этнокультурным особенностям локальных подразделений этносов.

Одна из ключевых проблем этнографической науки заключается в методике и критериях выделения таксономических единиц в составе этноса, выявлении и обосновании границ этнолокальных групп в территориальном, культурном и лингвистическом отношении. Наряду с понятием «этнографическая группа» в настоящее время появились и широко используются и другие обозначения для выделяющихся какими-нибудь особенностями этнических подразделений: этноконфессиональная, этносоциальная.

Принципиальным различием между этнографической и субэтнической группой следует признать наличие у последней элементов этнического самосознания. При этом открытым остается вопрос о территориальных параметрах и размерах этих общностей, их границах, а также о характере и степени культурных различий между ними. Это, в свою очередь, вызывает определенные сложности при отнесении той или иной группы этнографическому или субэтническому типу.

В последнее время И.И. Верняевым предложено название «этнолокальная (малая этнографическая) группа», под которой подразумевается «относительно однородный культурный ареал, опосредованный плотной сетью разного рода социальных групп и взаимодействий», внутри которого благодаря тесному социальному взаимодействию на общей культурной основе формируется групповое самосознание, выражающееся в наличии самоназвания.

На наш взгляд содержание термина «этнолокальная группа» выдвигает на первый план территориальное выделение, т.е. сосредоточение на обособленной, относительно небольшой территории, в рамках которой происходило формирование особенностей населения (в хозяйстве, материальной и духовной культуре), отличающих его от жителей соседних регионов. Для «этнолокальной группы» характерно преобладание внутренних связей и преимущественная эндогамия. Чтобы группа могла самовоспроизводиться, ее численность должна составлять не менее нескольких сотен человек. На формирование и этнокультурное развитие этнолокальных групп важное, а иногда и определяющее значение оказывают природно-географические факторы.

Исследования этнографических и субэтнических групп дают возможность понять процессы адаптации этнических коллективов к конкретным природно-географическим и социально-историческим условиям, проследить возникновение и закрепление региональных вариантов традиционной культуры, пути и характер внутри- и межэтнического взаимодействия. Это позволяет выявить специфику и общие черты в культуре этноса, выяснить ключевые моменты этногенеза и этнической истории народа. Для Северо-Запада Европейской России актуально исследование характера взаимодействия между локальными группами восточнославянского и прибалтийско-финского населения, т.к. именно в ходе таких контактов сложилась этническая карта региона, сформировались этнокультурные особенности.

Этнолокальные группы населения Русского Севера привлекают внимание исследователей с конца 1970-х гг. В последнее время в этом направлении осуществляется и работа сотрудников кафедры этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ. Логическим продолжением традиции изучения этнолокальных групп севернорусского населения стало обращение этнографов к исследованию аналогичных групп финноязычного населения. В современной вепсологии также прослеживается устойчивая тенденция к исследованию отдельных аспектов этнической истории и культурного своеобразия этнолокальных групп этноса. В то же время ощущается недостаток в материалах, отражающих культуру отдельных этнолокальных групп этого этноса, что препятствует формированию представлений об особенностях их истории, языка, культурного своеобразия. При этом отсутствуют монографические исследования, посвященные комплексному изучению традиционной культуры отдельных групп вепсов. Это относится и к южной группе вепсов. Между тем, в настоящее время культура этой локальной группы подвергается существенной трансформации, ставящей под угрозу само ее существование.

Объектом исследования является этнолокальная группа южных вепсов, проживающих на водораздельной территории в бассейнах верхнего течения рр. Паши, Капши, Лиди и Колпи на крайнем востоке Ленинградской области. По современному административному делению это большая часть Радогощинского сельского поселения Бокситогорского района. Ее выделение связано с накоплением к началу XX в. лингвистических и этнографических материалов, подтверждающих своеобразие данного локального сообщества народа.

Предметом исследования является история формирования этнолокальной группы

южных вепсов и ее традиционная культура как результат развития в определенной природно-географической среде и в условиях длительного взаимодействия с соседними группами русского и вепского населения.

В связи с тем, что многие компоненты духовной культуры, в частности календарная и семейная обрядность южных вепсов, достаточно полно отражены в работах З.И. Строгальщиковой и И.Ю. Винокуровой, а также учитывая ограниченность источников по семейному быту, эти разделы в диссертационной работе освещены с меньшей полнотой. При их написании в основном использованы новые полевые материалы автора.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в комплексной характеристике традиционной культуры южных вепсов и выявлении особенностей, выделяющих эту этнолокальную группу. Цель исследования обусловила постановку **задач**, определивших содержание диссертационного сочинения:

- 1) исследовать историю формирования южных вепсов;
- 2) определить этническую территорию и динамику численности этой этнолокальной группы в XIX–XX вв.;
- 3) систематизировать и проанализировать материалы, характеризующие хозяйство южных вепсов, определить его особенности и общие черты, как региональные, так и вепские, выявить связи с соседними районами, дать развернутое описание материальной культуры южных вепсов;
- 4) проанализировать духовную культуру в контексте связей южных вепсов с русским населением и другими этнолокальными группами вепсов.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – первую половину XX в. Нижняя граница задана состоянием источниковой базы, верхняя – временем бытования традиционной культуры, существовавшей в указанный хронологический период.

Степень изученности темы. В изучении вепсов можно выделить несколько периодов. Первый этап (XIX в.) связан с накоплением отдельных сведений и формированием знаний и представлений о вепском этносе.

Внимание на вепсов впервые обратил внимание филолог и этнограф, будущий академик Петербургской Академии наук А.И. Шегрен (1794–1855) в 1824 г. Сведения о вепском населении до конца XIX в. собирались в основном благодаря исследованиям языковедов – Э. Леннрота, А. Алквиста, Я. Базилира. Первыми публикациями о вепсах на

русском языке, содержащими описания хозяйственной деятельности, элементов материальной, духовной и социальной культуры стали работы В.Н. Майнова.

Целенаправленная исследовательская работа началась с рубежа XIX–XX вв., открыв второй этап в этнографическом изучении вепсов, продолжавшийся до 1940-х гг. В 1895 г. были опубликованы доклады Н.Ф. Лескова и Д.П. Никольского по результатам поездок в Чудской край. В начале XX в. началась собирательская и исследовательская работа среди вепсов Этнографического отдела Русского музея. В поездке 1902 г. сотрудником музея Е.А. Ляцким была налажена корреспондентская сеть в вепских поселениях из местной интеллигенции.

Первой попыткой комплексного исследования вепсов была работа А.И. Колмогорова, сотрудника Московского университета. Двенадцать лет он проводил изучение вепсов Тихвинского уезда Новгородской губернии. К 1918 г. ученый подготовил крупное исследование, впоследствии, к сожалению, утраченное. Вепсы Тихвинского края были объектом исследовательских интересов В.И. Равдоникаса, а северные вепсы – С.А. Макарьева. В 1920-е гг. этнографические исследования осуществлялись под эгидой русско-финской секции КИПСа. В 1930-е гг. успешную работу по изучению вепсов проводил Н.Н. Волков.

Началом третьего этапа в изучении вепсов, характеризующегося углубленным исследованием отдельных аспектов вепской культуры и привлечением к вепской проблематике не только этнографов, но и специалистов других отраслей гуманитарного знания, можно считать работу В.В. Пименова «Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры» (1965). Содержание этого труда, который охватывает период до XVIII в, отражено в его названии.

Исследованием вепских поселений и жилища с 1970-х гг. занимались З.И. Строгальщикова (Етоева) и Н.В. Ушаков. С середины 1980-х гг. публикуются работы З.И. Строгальщиконой по семейной обрядности, социальным, культурным и демографическим проблемам вепсов. С этого же времени календарные, семейные обряды, поверья и традиционные представления вепского народа становятся предметом рассмотрения И.Ю. Винокуровой. Верования вепсов отражены также в статье Л.П. Азовской. Вепскому народному искусству посвящена монография А.П. Косменко. На примере музыкальной традиции вепсов В.А. Лапиным (1976) была впервые обозначена проблематика фольклорного двуязычия. В 2012 г. вышел сборник вепских причитаний с вступительной статьей Н.Г.

Зайцевой, О.Ю. Жуковой и С.В. Косыревой об истории их собирания и особенностях этого компонента духовной культуры вепсов. Описание системы терминов родства на южновепском и средневепском материале дано в коллективной статье А.Г. Новожилова, А.А. Бурыкина, С.А. Мызникова и В.А. Попова, опубликованной в 2005 г. в 9-м выпуске альманаха «Алгебра родства».

В 1983–1984 гг. вепсы исследовались Северо-Западным антрополого-этнографическим отрядом кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ под руководством Н.Н. Цветковой. Результаты работы показали различия в антропологии локальных вепских групп.

С середины 1970-х гг. сотрудники ГМЭ народов СССР (ныне РЭМ) Д.А. Горб и З.Б. Предтеченская после длительного перерыва вновь обратились к полевому обследованию вепсов. Наряду со сбором этнографических экспонатов, Д.А. Горб изучала различные компоненты вепской культуры, в частности утварь, свадебный обряд, социализацию детей. С середины 1990-х гг. экспедиционную работу в вепских поселениях Ленинградской обл. продолжила сотрудник РЭМ Л.В. Королькова, исследовав различные аспекты материальной, социальной культуры этноса, а также сюжеты, связанные с историей изучения вепсов.

Накопление материалов, формирование представлений о расселении вепского этноса привело ученых к выводам о различиях в языке и культуре их отдельных групп. Осознание этого факта отразилось в стремлении ввести в научный оборот обозначения для локальных подразделений вепсов.

Специфика южной группы вепского населения была выявлена на основании лингвистических данных на рубеже XIX–XX вв. В начале 1890-х гг. финский языковед Э.Н. Сетяля в качестве южновепских указывал говоры, расположенные в верховьях Ояты. В начале XX в. эстонский исследователь М.И. Эйзен впервые ввел в литературу и научный обиход название «вепсы» вместо «чухари» для обозначения южных вепсов. В 1916–1918 гг. южновепские фольклорные и языковые материалы собирали Э.Н. Сетяля, А.О. Вайсянен, Л. Кеттунен. Последний из указанных ученых совместно с Л. Пости и П. Сиро в 1934 г. возобновил полевые исследования южных вепсов.

В 1928 г. экспедиционные исследования южных вепсов осуществлялись и членами русско-финской секцией КИПСа. З.П. Малиновская, Е.В. Скородумов изучали постройки, одежду, сельское хозяйство, межэтнические связи с русским населением. Н.С. Розовым был собран антропологический материал. В 1929 г. Е.В. Скородумов продолжил работу,

исследовав лесозаготовительный промысел, собрав лексику по материальной культуре и сельскому хозяйству южных вепсов. Им также были описаны свадебная и похоронно-поминальная обрядность, сельскохозяйственный календарь. Небольшую этнографическую коллекцию в южновепских деревнях, хранящуюся ныне в РЭМ, собрала М.Ю. Пальвадре, которая сопровождала финских исследователей в 1934 г., во время их экспедиции. В 1938–1940 гг. на территории проживания южных и соседних с ними корвалльских вепсов проводил исследования Н.Н. Волков.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. языковедами Н.И. Богдановым, М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен были записаны тексты по материальной и духовной культуре южных вепсов. Ценный лексический, фольклорный и этнографический материал включает академический «Словарь вепского языка» (1972).

В 1960–1980-е гг. вепсов исследовали эстонские этнографы, фольклористы, языковеды. Большинство экспедиций было организовано к южным вепсам, поэтому и значительная часть этнографических экспонатов и полевых материалов, поступивших в Эстонский национальный музей (г. Тарту), была собрана на южновепской территории. Проведенная киносъемка позволила создать этнографический фильм «Южные вепсы в начале XX в.», в котором удалось зафиксировать традиционные занятия южновепского населения: приемы подсечного земледелия, обработку сельскохозяйственных культур, домашние промыслы. Собранные материалы получили отражение в ряде статей А.Ю. Петерсона и М. Йоалайд.

Сбором коллекций предметов материальной культуры и народного искусства южных вепсов занимались специалисты Государственного Русского музея. В 1937 г. туда поступили экспонаты, собранные сотрудниками Тихвинского районного краеведческого музея в деревнях южных вепсов. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. сбором экспонатов в южновепском крае занимались сотрудники музея М.А. Сорокина, С.К. Погадаева, В.Д. Мурашко, М.В. Захарова, Е.Б. Кузнецова.

С конца 1980-х гг. сбор материалов по южным вепсам начали сотрудники Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, а также Пикалевского краеведческого музея.

С 1990-х гг. этнографическое изучение южных вепсов, а также соседних групп вепского и русского населения осуществлялось полевыми отрядами кафедры этнографии и антропологии СПбГУ под руководством А.Г. Новожилова и автора.

В 1980–1990-е гг. были опубликованы работы З.И. Строгальщиковой и И.Ю. Винокуровой, основанные на материалах углубленного изучения отдельных групп вепсов. Так, одна из работ И.Ю. Винокуровой полностью посвящена южновепсскому колдовству. С конца 1990-х гг. отдельные группы вепсов становятся объектом исследования не только этнографов, но и специалистов других гуманитарных дисциплин. Так, филолог И.И. Муллонен обратилась к разработке этнокультурной истории южных вепсов, анализируя топонимические материалы, архитекторы И.Е. Гришина, А.Ю. Борисов, А.Ю. Косенков, В.П. Орфинский, С.В. Путистин исследовали локальные особенности поселенческой структуры, жилища, культового зодчества южных вепсов. Археолог А.Н. Башенькин на основе изучения средневековых могильников способствовал реконструкции древней культуры и этнической истории отдельных вепских групп, в том числе предков современных южных вепсов. Фольклорист В.В. Виноградов исследовал вепско-русское этнокультурное взаимодействие на фольклорно-этнографическом материале.

Методология работы построена на основе принципов научной объективности, системности и историзма, что позволило рассматривать культуру этнолокальной группы в развитии и конкретно-исторических условиях.

Методы исследования. В диссертационном исследовании применены дескриптивный и сравнительно-исторический методы. Дескриптивный метод заключается в создании научного текста на основе синтеза различных источников. Анализ собранного материала проводился в рамках сравнительно-исторического метода, что дало возможность выявить особенности этнической истории южных вепсов, их традиционного хозяйства, различных аспектов материальной и духовной культуры.

Источниковая база. Основным источником являются полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических и археологических экспедиций в поселениях южных вепсов и на сопредельных территориях Бокситогорского и Тихвинского районов Ленинградской области, а также Бабаевского района Вологодской области. Экспедиции в места проживания вепского и русского населения предпринимались в рамках исследовательских программ Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, Пикалевского краеведческого музея, Вологодского государственного педагогического института (ныне университета), кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Полевые материалы включают информацию, отражающую все стороны культуры

южных вепсов. Информантами выступали в основном представители старшего поколения, знатоки и хранители традиций.

Основными методами полевого исследования являлись наблюдение, интервьюирование и фотофиксация. Проверка достоверности полученных сведений осуществлялась повторными и дополнительными опросами, сравнением с имеющейся в других источниках информацией, в частности в материалах архивов.

Благодаря последним, удалось восстановить особенности утраченных элементов культуры, увидеть динамику изменений, происходивших в XIX – начале XX в. Значительный интерес представляют хранящиеся в архиве РЭМ материалы А.А. Киселева. Хотя его сведения относятся к группе корвальских вепсов, они могут использоваться в сопоставлении с более поздними полевыми материалами и по соответствующим компонентам традиционной культуры соседних южных вепсов. Материалы, относящиеся к исследованию, имеются в архиве МАЭ РАН, Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук, Пикалевском краеведческом музее, Тихвинском историко-мемориальном и архитектурно-художественном музее Ленинградской области.

Сведения по различным аспектам культуры южных вепсов содержатся и в периодической печати. При том, что статьи, появляющиеся с середины 1890-х гг., имеют в основном публицистический и, нередко, субъективный характер, они содержат важные сведения по хозяйству, материальной и духовной культуре, социальным отношениям южных вепсов.

Для исследования этнической истории южных вепсов большое значение имеют опубликованные источники по периоду средневековья. Это Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. и Купчая новгородского Спасского Ковалева монастыря на села по реке Тихвинке, относящаяся к XV в. В последние десятилетия особую значимость для этноисторических реконструкций получили археологические источники и топонимические данные.

В различных сборниках опубликованы статистические материалы, позволяющие проследить динамику численности южных вепсов в середине XIX – начале XX в.

Научная новизна работы. Монографических исследований, посвященных этнолокальным группам вепского народа в отечественной этнографии до настоящего времени не было. В диссертации впервые предпринят опыт комплексного рассмотрения вопросов этнической истории, традиционной системы хозяйства, материальной и духовной

культуры южных вепсов, выявлены их культурные взаимосвязи с соседним русским населением, исследовано влияние различных факторов на этно- и социокультурное развитие изучаемого локального сообщества. Значительная часть использованных источников (например, материалы периодической печати, архивные данные) не привлекалась ранее для этнографического изучения южных вепсов. Впервые в широкий научный оборот вводятся материалы, полученные автором в результате многолетних полевых исследований среди южных вепсов в 1990–1994, 1996, 1999, 2002 гг., а также средних вепсов в 1992, 2003, 2004, 2006 гг.

Практическая ценность работы. Материалы диссертации и основанные на них выводы могут быть использованы в обобщающих и частных исследованиях по этнографии Северо-Запада Европейской России, а также найти применение при прогнозировании развития региона. Кроме того, они служат основой для подготовки справок государственным органам Российской Федерации различных уровней, для разработки лекционных курсов, читаемых на кафедре этнографии и антропологии СПбГУ, в организации историко-этнографических выставок в Пикалевском краеведческом музее Ленинградской области. Их можно задействовать для создания учебных пособий, в краеведческой деятельности местных музеев и организаций, в лекционной научно-просветительской деятельности.

Материалы и выводы работы применялись при реализации проекта «Динамика этнических и этносоциальных процессов и современная этнокультурная ситуация в Северо-Западном регионе Европейской России» в рамках федеральной целевой программы «Интеграция».

Апробация работы. Результаты исследования нашли отражение в 30 публикациях и ряде докладов на научных мероприятиях: «Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 1997); IV Финно-угорские чтения (Санкт-Петербург, 1997); Межвузовская научная конференция аспирантов и студентов «Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований)» (Санкт-Петербург, 1996, 1999, 2003); «Царскосельские чтения. Межвузовская конференция с международным участием» (Пушкин, 1998), «Этнография Петербурга» (Санкт-Петербург, 1998), II скандинавские чтения (Санкт-Петербург, 1998); III, IV и V конгрессы этнографов и антропологов России (Москва, 1999; Нальчик, 2001; Омск, 2003); «Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конференция с международным участием» (Санкт-Петербург, 2000); IX Санкт-Петербургские религиозно-этнографические чтения, посвященные 70-летию Государственного музея истории религии «Музей. Общество.

Религия: Аспекты взаимодействия» (Санкт-Петербург, 2002); Международная научная конференции «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии» (Санкт-Петербург, 2002); Всероссийская научная конференция «Университетские Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 2003); II Санкт-Петербургские этнографические чтения «Мифология и религия в системе культуры этноса» (Санкт-Петербург, 2003); Всероссийская конференция «Индивидуальные исследования в МИОНах: проблемы и перспективы». (Московская область, Голицыно, 2004); Международная научная конференция «Полевая этнография». (Санкт-Петербург, 2004, 2008); Научно-практическая конференция «Вепсы: история, культура, современность» (Вологда, 2006); Международный научный семинар «Вепсы и этнокультурные перемены XX века» (Санкт-Петербург, 2006); III губернские чтения, посвященные 80-летию Ленинградской области: «Мы живем на одной земле: многонациональная Ленинградская область» Санкт-Петербург. 2007); Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов (Санкт-Петербург. 2007); Международная научная конференция «Central Eurasia and Ethnic National Issues» «Центральная Евразия и этнонациональные проблемы» (КНР: Пекин-Шанхай, 2008); Первая научно-практическая конференция «Ленинградская область как объект исследования» (Санкт-Петербург, 2012); Международная научно-практическая конференция «Вепсы: история и современность» (Ленинградская обл., Подпорожский р-н, с. Винницы, 2012); Симпозиум «Динамика традиционной культуры малой группы» (Санкт-Петербург, 2012), Международная научная конференция «Динамика традиционной культуры. Полевая этнография – 2013», посвященная 45-летию кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета и 85-летию со дня рождения ее основателя Р.Ф. Итса (Санкт-Петербург, 2013).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных архивных документов и литературы, а также приложения, в котором помещены авторские фотографии, иллюстрирующие исследование.

Основное содержание работы

Во Введении обоснованы актуальность темы, сформулированы цель и основные задачи исследования, определены научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава «Формирование и история этнолокальной группы южных вепсов» состоит из трех разделов.

1.1. «Общая характеристика вепсов». В данном разделе описываются расселение,

внутреннее членение вепского этноса, рассматриваются гипотезы о формировании этнической общности, а также приводится динамика его численности с середины XIX в. по настоящее время.

Вепсы – этнос, проживающий на территории Межозерья – регионе между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Язык вепсов относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской (урало-юкагирской) языковой семьи. Диалектные различия лежат и в основе этнографического деления вепского этноса, в составе которого выделяются северная, средняя и южная группы.

О происхождении вепсов существует несколько различных точек зрения. В 1940–1970-е гг. часть исследователей считала их потомками летописной веси. Так, Д.В. Бубрих, Н.И. Богданов и В.В. Пименов, полагали, что прародина предков вепсов находилась на территории юго-восточной Прибалтики, откуда в I тысячелетии н.э. весь продвинулась в юго-восточное Приладожье и далее до Белого озера. Часть веси не позже середины II тыс. н.э. освоила Олонецкий перешеек, а некоторые группы приняли участие в освоении Заволочья. Слабость точки зрения о продвижении предков вепсов из юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. в отсутствии документальных свидетельств.

Сторонниками гипотезы об автохтонном происхождении веси-вепсов являлись археологи П.Н. Третьяков и Л.А. Голубева. П.Н. Третьяков видел общую основу веси, мери и муромы в дьяковской культуре. Л.А. Голубева связывала весь с позднекаргопольской археологической культурой. Автор полагала, что весь близка мери, но в формировании вепсов принимали участие группы приладожского населения.

Точка зрения о восточном происхождении веси была выдвинута О.Н. Бадером, В.А. Обориным и Л.П. Лашуком. По их мнению, ванвиздинская культура, сформировавшаяся в бассейне реки Вычегды, оставлена весью, которая родственна восточным финнам, особенно коми.

Современный лингвист В.В. Напольских обосновал свою гипотезу о формировании группы населения — носителя этнонима «вепсы». Он считает, что ее истоки находятся на территории Центральной Финляндии, указывая на распространение топонимов на *vepsV-* на восток — юго-восток, в направлении Ладожского озера. Переселение на современную территорию обитания этого населения он относит к периоду до IX в. Как на первоначальной территории формирования, так и при дальнейшем продвижении прибалтийско-финское население вступало в тесный контакт с проживающими здесь древними саамами,

говорящими на т.н. «южно-саамских» диалектах. По мнению исследователя, благодаря взаимодействию с саамоязычным населением предки вепсов заимствовали у них свой этноним.

В 1980-х гг. археолог А.Н. Башенькин пришел к выводу о том, что весь сформировалась в Белозерье в середине I тысячелетия н.э. на основе взаимодействия местного и пришлого волжско-финского компонента. При этом он уточнял, что на рубеже I-II тысячелетия н.э. вследствие древнерусской колонизации она была оттеснена в верховья Суды, Ояти, Паши, где в результате слияния с местным прибалтийско-финским населением Приладожья и происходил этногенез вепсов. Его гипотеза подтверждается топонимическими исследованиями И.И. Муллонен. По нашему мнению, работы А.Н. Башенькина и И.И. Муллонен на настоящий момент наиболее объективно отражают процесс формирования древних вепсов.

В период средневековья и нового времени происходила дифференциация вепсов и возникновение локальных групп вепского этноса, испытывающих постоянное мощное воздействие со стороны русских. Различия в социальном статусе, а также особенности географического положения определили особенности этнокультурного развития отдельных групп вепсов.

В середине XIX в. было учтено более 15 тыс. вепсов, а переписью 1926 г. была зафиксирована наибольшая за всю историю численность вепского населения - около 33 тыс. человек. В 1950-1980-е гг. происходит массовая ликвидация деревень и сельсоветов, населенных вепсами. Это привело к оттоку вепского населения с традиционных мест обитания, ассимиляции и сокращению численности. Всесоюзной переписью 1989 г. в Российской Федерации было зафиксировано 12,1 тыс. вепсов. Данные постсоветского периода, свидетельствуют о продолжающейся убыли вепского населения в Российской Федерации. Если переписью 2002 г. было выявлено 8,2 тыс. вепсов, то в 2010 г. – уже 5,9 тыс.

1.2. «Формирование и этнокультурное развитие южных вепсов». В разделе рассматривается динамика численности с середины XIX в. по 2000-е гг., обосновываются параметры выделения этнолокальной группы южных вепсов на основе археологических, лингвистических источников, анализе этнонимии, поселенческой структуры, сведений о динамичном развитии этнокультурного пространства.

Выделение южных вепсов в качестве этнографической группы было обусловлено к первой трети — середине XX в. накоплением сведений, отражающих ее этнокультурное своеобразие.

Территория обитания южных вепсов является пограничной в нескольких аспектах. В географическом отношении — это водораздел Балтийского и Волжского водных бассейнов. Этот регион находится на стыке административных границ ряда районов Ленинградской и Вологодской областей. Кроме того, регион проживания южных вепсов является тем полигоном, где длительный период осуществляется этнокультурное взаимодействие прибалтийско-финского и славянского населения.

Численность южных вепсов согласно статистическим данным поступательно возрастала с середины XIX в. до 1930-х гг., увеличившись с 1,9 до 4 тыс. чел., а затем стала стремительно уменьшаться. По нашей оценке численность южных вепсов в настоящее время не превышает 400 чел. Заметно уменьшилась и этническая территория южных вепсов, превратившись в начале 1980-х гг. в анклав, оторванный от других вепских групп.

Исследования А.Н. Башенькина доказали, что прибалтийско-финское население, которое является непосредственными предками южных вепсов, появилось здесь в результате продвижения с запада не позднее XI в. Согласно исследованиям И.И. Муллонен, наличие -l-овой ойконимии на западе этнической территории южных вепсов указывает не только на прибалтийско-финскую речь местного населения, но и отчетливо свидетельствует о раннем земледельческом освоении ими данного ареала в начале II тыс. н.э.

Кроме вепского пласта в топонимике южновепского ареала и на сопредельных территориях имеются топонимы, этимология которых связана с языком, близким саамскому или затруднена. Возникновение неясных в этимологическом плане топонимов относится, по мнению И.И. Муллонен, ко времени существования прибалтийско-финско-саамской общности или к прасаамскому периоду. Ряд топонимов, находящихся в зоне вепско-русского пограничья, отражает проникновение восточнославянского населения в этот регион еще до принятия христианства. Средневековую этническую границу прибалтийско-финского и славянского населения отмечают топонимы, сохранившиеся в бассейнах рек Тихвинки и Явосьмы: Чудцы, Чудская, Чудское. Дальнейшему интенсивному продвижению славян на вепскую территорию препятствовал иной ландшафт, не позволявший им сохранять традиционные формы хозяйствования.

Важную информацию, помогающую исследовать формирование локальных подразделений вепсского этноса, дает этнонимия.

Название «вепсы» стало входить в обиход с рубежа 1920–1930-х гг. под непосредственным воздействием официальной политики и окончательно утвердилось в 1930-е гг. До этого этноним «вепсы» практически не употреблялся, а прибалтийско-финское население Межозерья называлось либо кайванами, либо чудью или чухарями. Если первый из них является исключительно экзоэтнонимом, то два других выполняли также и роль эндоэтнонима для локальных групп вепсов.

По нашему мнению, этнонимы «*кайван*» и «*чухарь*» играли в прошлом дифференцирующую роль, являясь наименованиями двух группировок вепсского (чудского) населения, которые различались по месту проживания относительно верхнего и нижнего течения рек.

И.И. Муллонен методом топонимического исследования была реконструирована специфическая вепсская лексема * *čuhak / čuhuk* со значением «возвышенное место, холм, горка». Этот географический термин и стал источником возникновения этнонима «*чухарь*». Первоначально он обозначал группу прибалтийско-финского населения, занимавшую водораздельные территории Балтийского и Волжского водных бассейнов. Позднее значение слова было утрачено, его семантика оказалась затемненной, этноним приобрел даже некоторый оттенок пренебрежительности.

Возникновение и распространение этнонима «*чухарь*» следует связать с освоением вепсами верхнего течения Паши и Капши, а затем Лиди и Колошмы. Это свидетельствует об общей основе капшинских, южных и обрусевших в XX в. колошемских вепсов.

Происхождение же этнонима «*кайван*», по-видимому, связано также с некогда существовавшим, но впоследствии утраченным географическим термином, обозначавшим низменный ландшафт. В близкородственном вепсскому финском языке имеется слово *kainu* – «долина, низина». Это позволяет говорить о вероятности возникновения на данной лексической основе этнонима «*кайван*», обозначавшего изначально население, проживающее в низовьях рек. Это предположение согласуется и с этнографическими фактами. В частности, нами зафиксировано прозвище «*кайваны*» для жителей приладожской деревни Лигово, которые, очевидно, являются потомками ассимилированного прибалтийско-финского населения, близкого вепсам по языку.

Формирование южных вепсов как своеобразной этнолокальной группы связано в значительной степени с административным устройством, возникшим в средневековье и представленным погостской структурой. Территория, на которой сложились южные вепсы, по крайней мере, с XV в. относилась к Койгушскому и Пелушскому погостам Обонежской пятины. На территории Койгушского погоста к началу XX в. вепское население практически полностью оказалось ассимилированным, и объединяющим центром для южных вепсов стал Пелушский погост.

По данным Писцовой книги конца XV в. на южновепской территории прослеживается гнездовой тип расселения. «Гнезда» сосредотачивались вокруг одного или нескольких рядом расположенных озер, которые нередко соединялись между собой протоками. Такие «гнезда» в конце XIX–начале XX в. составляли сельское общество, включавшее до нескольких сотен крестьян. Расстояние между крайними деревнями в «гнезде» достигало 10 км. Позже сформировавшиеся «гнезда» отличались меньшей компактностью. Кроме гнездовых поселенческих структур существовали отдельные деревни, не входящие в то или иное гнездо поселений. Представляется наиболее вероятным сравнительно позднее их возникновение. Такая ситуация характерна для восточной части ареала расселения южных вепсов, что свидетельствует, наряду с топонимическими и археологическими данными о более позднем заселении этой территории.

Относительно изолированное географическое положение стало еще одной из предпосылок обособления группы и возникновения у нее определенных особенностей в языке и культуре, которые выделяли южных вепсов из окружающего родственного населения.

К северу от южных вепсов были расселены корвальские вепсы — локальная группа, занимающая промежуточное положение между средними и южными вепсами.

Восточными соседями южных вепсов являлось родственное население, проживавшее в бассейне верхней Суды. С ним осуществлялись культурные, брачные связи, несмотря на то, что регион Посудья традиционно относился к другим административным образованиям. К середине XX в. оно полностью обрусело.

Регион среднего течения реки Лидь, расположенный к юго-востоку от южновепских деревень был заселен русским населением, образующим этнотерриториальные сообщества Воле и Скверы. В междуречье Лиди и Тихвинки, находились поселения, жители которых являлись потомками обрусевшего вепского населения и обычно не выделялись соседями как

особая локальная группа, в то время как русское населения верховьев р. Тихвинки четко осознавало свою этноконфессиональную обособленность, что отразилось в этнониме «озеряне». Ядро этой группы составляли старообрядцы-беспоповцы.

В разделе 1.3. «Характер и направления вепско-русского межэтнического взаимодействия» рассматриваются особенности этнокультурного взаимодействия южных вепсов и русского населения региона.

Южные вепсы до конца XIX были слабо вовлечены в экономическую и культурную жизнь Российского государства. Это привело к тому, что культура местных вепсов являлась одной из самых архаичных по сравнению с другими группами вепского этноса. Связи южновепского населения в этот период в основном не выходили за рамки Тихвинского и соседнего Белозерского уездов Новгородской губернии.

С рубежа XIX–XX вв. активизировались контакты вепского и русского населения в сфере производства, в процессе совместной работы на лесозаготовках. Наибольший динамизм межэтническое взаимодействие начало приобретать с 1920-х гг. Его последствиями становилось все возрастающее овладение вепсами русским языком и заимствование некоторых новшеств в производственной и бытовой сферах. С 1930-х гг. на этнической территории вепсов возникают многочисленные поселки лесозаготовителей, основное население которых составляли завербованные рабочие из разных районов Советского Союза, преимущественно из России, Белоруссии и Украины. Некоторые жители вепских деревень также переселялись в новые поселки, где происходило их этнокультурное взаимодействие с переселенцами.

Процесс и механизм смены этнического самосознания вепсов прослеживается со второй половины XIX в. вплоть до настоящего времени. В значительной степени изменению этнического самосознания способствовали контакты между вепсами и русскими в социальной сфере. Наиболее активно межэтническое взаимодействие происходило и продолжается в этноконтактных зонах — на вепско–русском пограничье.

В прошлом исследователи концентрировали внимание в основном на воздействии, которому подвергалась традиционная культура вепсов со стороны русских. В последнее время пришло осознание взаимного влияния вепского и русского населения во всех областях материальной, духовной и социальной культуры, а также в языковой сфере.

Таким образом, выявленные факты свидетельствуют об интенсивных связях и

этнокультурном взаимодействии южных вепсов и соседнего русского населения с конца XIX в. по настоящее время. Если в предыдущий период для подавляющего большинства южных вепсов родной язык был единственным, то позднее, под влиянием школьного образования, средств массовой информации, в результате вовлечения трудоспособного населения в виды производственной и общественной деятельности, требующих владения русской речью, происходит переход к билингвизму с тенденцией к полной языковой ассимиляции.

Вторая глава «Традиционное хозяйство и материальная культура южных вепсов» состоит из двух разделов, разделенных на подразделы. В первом разделе «Хозяйственная деятельность» дана характеристика занятий этнолокальной группы.

Территория расселения южных вепсов — самая неблагоприятная для ведения сельского хозяйства часть зоны южной тайги. Это обусловило невозможность самообеспечения за счет развития только одной отрасли хозяйства. Лишь гибкое сочетание производящих и присваивающих отраслей с учетом местных особенностей и изменявшихся социальных условий придавало устойчивость хозяйственному комплексу южных вепсов.

Основным занятием южных вепсов в XIX – первой половине XX в. являлось земледелие в виде трехполья и лесного перелого. Несмотря на большое сходство в приемах, орудиях труда, соотношении выращиваемых культур, видах хозяйственных построек для обработки и хранения продуктов земледелия у южных вепсов и соседнего русского и вепского населения, все же можно выделить ряд особенностей. Так, до XX в. здесь сохранялся более архаичный способ разработки подсеки со сдиранием коры на растущих деревьях для их засушивания, до 1930-х гг. использовалась для обработки участков только борона-суковатка, применялись специализированные сохи для различных полей. Более низким по сравнению с соседним русским населением был уровень развития огородничества. Таким образом, земледелие у южных вепсов выделялось более архаичными чертами по сравнению с этим занятием у соседнего русского населения.

Одним из важнейших отраслей хозяйства южных вепсов являлось животноводство. В рассматриваемый период у них практиковался лесной выпас крупного рогатого скота с наемным пастухом. Как правило, наиболее предпочтительными пастухами явно были представители соседних народов, поэтому институт пастушества являлся проводником русского влияния на южновепскую культуру. У южных вепсов оно осуществлялось «*черепанами*» – выходцами из Череповецкого края.

Сходство приемов и способов ведения животноводческого хозяйства, одинаковый состав скота и птицы у южных вепсов и соседних групп русского и вепского населения связаны с близкими природно-климатическими условиями региона, постоянными контактами между представителями различных народов. Как особенность пастушеской культуры выделяется различие в использовании разных музыкальных инструментов пастухами в среде южных вепсов и у проживающих восточнее русских и вепсов (если в первом случае применялись духовые инструменты, то во втором — ударные).

С животноводством у южных вепсов был связан целый комплекс развитой обрядности и традиционных представлений. Именно в этой сфере, которая рассмотрена подробнее в разделе «Праздники и календарная обрядность», проявляется специфика южновепского скотоводства. В ней проявились как древние прибалтийско-финские особенности (использование при обходе и в гадании о пропавших животных камней, определение времени выгона скота по состоянию природных объектов), так и черты, возникшие в результате собственного развития (своеобразие местных праздников, связанных с животноводством). Отметим близость многих элементов скотоводческих праздников у южной группы и капшинских средних вепсов (ритуальное посещение мест захоронения предков, обязательное использование молочных продуктов), что свидетельствует об их общих корнях.

Природно-географические условия благоприятствовали развитию у южных вепсов рыболовства. В нем принимали участие как взрослые, так и дети. Для лова использовались разнообразные орудия и приспособления, изготавливавшиеся собственными силами.

Прослеживается большое сходство орудий и приемов рыболовства у южных вепсов и других групп вепского этноса, а также соседнего русского населения. Некоторые особенности наблюдаются в терминологии, главным образом деталей рыболовных принадлежностей, а также в отсутствии или наличии специфических снастей. Так, южные вепсы не использовали орудия лова, которые были приспособлены к особенностям более крупных водоемов, например специализированных сетей и неводов. Отличия прослеживаются и в составе вылавливаемых пород рыб, и в экономической значимости рыболовства для хозяйства.

Давние традиции у южных вепсов имела охота. Практиковались как активные, так и пассивные ее формы. Активная охота производилась с применением огнестрельного оружия, а иногда и с использованием охотничьих собак. Из орудий пассивного лова бытовали различные ловушки, петли, капканы и приспособления собственного изготовления. Успех в

охотничьем промысле определялся достигнутым за многие годы опытом.

К концу XIX – началу XX в. заметное место в хозяйстве южных вепсов занял лесозаготовительный промысел. Если до реформы 1861 г. крестьяне могли арендовать лесные участки у своих помещиков для разработки под подсеку за определенную долю урожая, то после ее осуществления эта деятельность оказалась под запретом, т.к. владельцы стали считать нерациональным подобное использование леса. Это привело к тому, что крестьяне лишились значительной части доходов от земледелия. Восполнить недостаток средств к существованию позволил лесозаготовительный промысел. В бюджете южновепских хозяйств до начала 1930-х гг. доля дохода от лесозаготовок составляла 30-40 %.

Лесозаготовительный промысел способствовал распространению в южновепском крае элементов русской и, шире, городской культуры. Это осуществлялось как в результате непосредственного межэтнического общения, так и в результате возможности приобретать на заработанные средства товары промышленного производства. В то же время южные вепсы оставались более консервативными по сравнению с русским населением, и нововведения приживались у них труднее. Например, они неохотно меняли проживание в традиционных станах на бараки, индивидуальное приготовление пищи во время лесозаготовок на коллективное.

У южных вепсов подавляющая часть необходимых бытовых вещей и орудий труда для хозяйства производилось в рамках домашних промыслов. Из них наибольшее развитие получили деревообработка, кузнечное дело, набойное производство, выделка кож, изготовление глиняных изделий и обработка волокнистых материалов.

Обработкой дерева занимались мужчины. Из него мастерили несложную мебель, различные предметы домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия, ремесленные приспособления, транспортные средства. Этот материал был основным при строительстве жилища и хозяйственных построек. Традиционным способом деревообработки оставалась архаическая техника долбления. Были известны все технологии обработки бересты — от изготовления предметов из одного пласта до плетения. Менее распространенным являлось производство изделий из ивовых прутьев, сосновой щепы.

В большинстве южновепских деревень до середины XX в. действовали кузницы, служившие для производства самых необходимых в хозяйстве вещей: сошников, полиц для

сох, косарей, багров, светцов для лучины, дверных петель и запоров, гвоздей, ухватов, деталей инструментов. Кузнецы обеспечивали лишь потребности своих односельчан и сочетали свое занятие с другими традиционными видами хозяйственной деятельности.

До начала 1930-х гг. у южных вепсов сохранялось набойное производство, которым занимались мужчины. Мужским занятием была и выделка кож, используемых как сырье для изготовления сапог, различных сумок, ремней, сбруи. Как набойное, так и кожевенное производство было характерным и для соседнего русского населения, причем каких-либо особенностей, обусловленных этнической спецификой зафиксировано не было. Собственного производства керамических изделий у южных вепсов не сформировалось, но глина использовалась в качестве материала для сооружения печей и изготовления кирпича.

Узколокальной и, вероятно, привнесенной традицией, бытовавшей до середины XX в., являлось изготовление валенок. В отличие от этого мужского занятия практически полностью женским была обработка льна и шерсти. Эти материалы являлись основными для ткачества. Из шерстяной домотканины шили теплую верхнюю одежду. Получило распространение вязание кружев, изготовление поясов и кушаков техникой плетения, а также тканья, существовала развитая традиция вышивки. Меньшую значимость для хозяйства имели конопля и липовое лыко, которые использовались главным образом для изготовления веревок и рыболовных снастей. В обработке и использовании волокнистых материалов у южных вепсов сочетались прибалтийско-финские и русские приемы, технологии, инструменты. Можно также отметить лучшую сохранность и большую устойчивость некоторых традиционных технологий и инструментов для этого занятия по сравнению с другими группами вепского этноса.

Таким образом, у южных вепсов в отличие от групп средних и северных вепсов не сформировалось специализированных промыслов, отсутствовали постоянные производственные объединения, а благодаря большей социально-культурной замкнутости в домашних ремеслах длительное время сохранялись архаичные особенности в типах изделий, организации производства, технической оснащенности и инструментах.

Совокупность транспортных средств, использовавшихся южными вепсами, была обусловлена географией их расселения. Холмистая местность, пересеченная болотами, озерами и речками, затрудняла развитие наземной транспортной сети. В таких условиях колесный транспорт не имел широкого распространения до начала XX в., и южные вепсы круглогодично пользовались различными волоковыми или скользящими транспортными

средствами, запряженными лошадьми. Обилие водоемов обусловило большое значение водного транспорта. Традиционные средства передвижения: плоты, лодки-долбенки, сани, волокуши, лыжи, которые в сопредельных районах с русским населением либо перестали употребляться вообще, либо использовались ограниченно, у южных вепсов продолжали сохранять свое значение до конца XX в.

Во втором разделе второй главы дано описание основных элементов материальной культуры.

Наиболее характерным типом поселения у южных вепсов являлась многодворная деревня. Основным типом заселения был прибрежный, с преобладанием прибрежно-озерных поселений над прибрежно-речными. Основной планировкой поселений в конце XIX – начале XX в. продолжала оставаться беспорядочная или свободная. К середине XX в. в южновепских поселениях появились элементы рядовой и улично-рядовой форм, хотя преобладающими они не стали.

При выборе места для поселения руководствовались, прежде всего, практическими соображениями. Строгого плана в расположении усадеб в поселении не было, хотя наблюдалась тенденция ориентации фасадов на южные направления.

У южных вепсов сложился северно-среднерусский жилищно-хозяйственный комплекс. Жилища южных вепсов уступали по размерам жилым постройкам проживающих севернее русских, и других групп вепского народа. Большинство изб южных вепсов на рубеже XIX–XX вв. являлись курными. Печь, кроме обогрева помещения и приготовления пищи, служила местом для сна во время зимних холодов и использовалась в качестве бани.

В целом для южных вепсов была характерна бóльшая традиционность и консервативность жилых и хозяйственных построек по сравнению с окружающим населением, проявлявшаяся в некоторых архаических деталях и технике строительства. По основным параметрам южновепскому жилищно-хозяйственному комплексу наиболее близок средневепский.

Выделить специфическую по сравнению с соседним населением одежду для южновепского населения вряд ли возможно. Можно отметить более продолжительное бытование у южных вепсов в XX в. ее некоторых традиционных элементов: балахона, вязаных одной иглой варежек и чулок, наголенников. Некоторое своеобразие по сравнению с другими группами вепсов проявлялось в наименовании деталей одежды и обуви, а также в

свадебных украшениях.

Основу пищевого рациона южных вепсов составляли мучные продукты, главным из которых являлся ржаной хлеб. Разнообразием отличалась выпечка. Одним из видов открытых пирогов были т.н. «калитки». Из овсяной муки пекли блины. Из толокна и круп варили жидкие молочные каши. Из ржаной и ячменной муки делали загусту (*puđr*). Среди жидких блюд были распространены различные похлебки и супы.

Наиболее употребляемой и типичной из овощных культур была репа. Вместе с тем, в XIX в. ее начал вытеснять, как и повсеместно на Северо-Западе, картофель. Существенным дополнением пищевого рациона служили лесные ягоды и грибы. Любимыми являлись рыбные блюда (похлебки, пироги с запеченной рыбой, студень). Мясные продукты, как часть комбинированных блюд, обычно употребляли в период тяжелых физических работ. Значительную долю в питании занимали молочные продукты (молоко, простокваша, сыворотка, творог, сметана, сливочное масло).

Из напитков южным вепсам были известны хлебный квас, чай и молочная сыворотка. Из овсяных или ржаных отрубей и клюквы варили кисели.

Праздничная пища была более разнообразной, как, впрочем, у всех соседних народов. Наряду с общими для всех вепсов обрядовыми блюдами, имелись и локально бытующие. Так, у южных вепсов во время послесвадебной гостьбы теща угощала зятя блинами из гороховой муки, в то время как у северных вепсов – пряжеными пирогами из пшеничной муки (*pirgad*). Практически все наиболее значимые обряды не обходились без куриных яиц и блюд из них. Вареными яйцами поминали покойных, их использовали при обходе скота, тушении пожара. Яичница являлась ритуальной едой в свадебных и аграрных ритуалах.

Для приготовления и хранения пищи использовались глиняные сосуды разнообразной формы, поступающие в основном из двух районов гончарного производства: с рек Оять и Явосьма. Употребляли и покупную металлическую посуду: чугуны, противни, сковороды, котелки. Широко использовались бондарные сосуды, а также долбленные из дерева и капа.

Посуда промышленного производства у южных вепсов начала широко распространяться позже, чем в других соседних вепских и русских группах – с 1930-х гг. Подавляющая часть необходимой в хозяйстве утвари производилась в рамках домашнего ремесла, традиция же изготовления отличалась временной устойчивостью, а употребления – значительно большим набором предметов.

В третьей главе «Духовная культура южных вепсов» три раздела. Первый раздел

посвящен систематизации и введению в научный оборот новых материалов по семье и семейной обрядности. Сложность их интерпретации заключается в разновременности и разнородности источников. Наряду с полевыми материалами большое значение имеют архивные документы, ранее изданные публикации и исследования, лингвистические данные.

Ко второй половине XIX в. у южных вепсов преобладала малая семья. В начале XX в. средний размер домохозяйства у вепсов Тихвинского уезда Новгородской губернии составлял 5,5 человек, совпадая со среднеуездным показателем. Для семейных отношений был характерен минорат. Старики старались по мере своих сил помогать детям, например, пожилые женщины присматривали за внуками. Детей вовлекали в трудовую деятельность с раннего детства. Ценились практические навыки, а не грамотность.

В группе ближайших деревень все жители приходились друг другу родственниками или свойственниками. Поэтому для южных вепсов была актуальна лексика, отражающая эти связи. По сравнению со средними и северными вепсами у южной группы интенсивно происходил переход к заимствованным из русского языка терминам в области родства и свойства.

Различия в сфере родильной обрядности между локальными группами вепсов были незначительными. Наибольшее сходство прослеживается между южными и средними вепсами.

Еще во время беременности существовал ряд запретов, регулирующих поведение роженицы. Роды обычно приглашали принимать повитуху. При трудных родах делали завет, т.е. после благополучного разрешения от беремени роженица давала обещание посетить храм. После родов женщине обычно давали отдохнуть несколько дней, освобождая от повседневной работы. Через несколько дней ребенка крестил священник или «знающие» бабушки. В первые дни после появления на свет новорожденного старались не показывать посторонним людям, выполняли особые обряды, опасаясь сглаза.

В связи с внедрением в советский период больничного родовспоможения родильная обрядность значительно редуцировалась.

Традиционный свадебный обряд южных вепсов конца XIX - начала XX вв. в общих чертах совпадает с севернорусским и делится на три этапа: сватовство, собственно свадьба и послесвадебная обрядность.

Время проведения свадеб регламентировалось православной традицией и хозяйственной спецификой. Обычно оно приходилось на весенне-зимний период.

Начиналось свадебное действо со сватовства, которое обычно осуществляли вечером. Жениха сопровождал кто-нибудь из старших родственников-мужчин. По получении согласия на заключение брака, через несколько дней устраивался сговор, в ходе которого окончательно решался вопрос о приданом и расходах на проведение свадьбы. Важной частью приданого, наряду с ткаными изделиями, являлся скот. Во время сговора родители жениха и невесты совершали рукобיתье, после которого девушка и парень приобретали новый статус — жениха и невесты. Важным персонажем традиционной свадьбы был *naita(i)* — опытный мужчина, который магическими действиями предохранял вступающих в брак от возможной порчи. Перед отъездом на венчание родители жениха с иконой благословляли молодых. Продолжительность свадьбы чаще всего составляла 2-3 дня.

Традиционный свадебный обряд у южных вепсов утратил свои архаические черты в начале 1930-х гг. под воздействием общественно-политических факторов.

Комплекс погребально-поминальной обрядности южных вепсов достаточно полно сохранился в XX в.

Умершего обряжали в одежду, которую пожилые люди готовили себе заранее, называя ее «смертной». До 1940-х гг. для погребения стариков использовали такой архаический элемент как саван. Похороны обычно совершались на третий день после смерти. У южных вепсов зафиксирован обычай т.н. «веселения покойника». Поминали умерших на девятый, двадцатый и сороковой день. Поминальной едой был белый густой овсяный кисель, сусло, кутья, куриные яйца, выпечка, в XX в. появилась традиция употребления спиртных напитков. До сорокового дня крест на могилу не ставили, вместо него использовали ольховую или осиновую палку. Намогильные кресты в прошлом делали из можжевельника, на детские могилы вместо крестов ставили колья.

Во втором разделе третьей главы рассматриваются праздники и календарная обрядность.

Единство южных вепсов поддерживалось и благодаря системе местных праздников, которые образовывали своеобразное информационное поле, в которое были вовлечены в разной степени жители всех деревень.

Существовала хорошо разработанная система праздников, связанных со скотоводством. Так, началу пастбищного периода предшествовал ритуал первого выгона скота, совершавшийся в Егорьев день (23.04/6.05). Наряду с праздничными датами, имеющими общевепский характер, в период с июня по декабрь, имелось несколько

«заветных» праздников, отражающих местную специфику и связанных с обеспечением благополучия домашнего скота. Если у средних вепсов в качестве летнего скотоводческого праздника особо выделялся Петров день, то у южной группы вепского этноса сходные обрядовые действия совершались в день *Sir'pihäpäi* (буквально «сырное воскресенье»), приуроченный к празднику иконы Казанской Богоматери (8/21.07) в д. Сидорово. Но если у средних вепсов лучше была выражена связь обрядов с культом предков, то у южной группы сохранилось древнее наименование праздника. Маковой (*Makovan päi*) (1/14.08), отмечавшийся на Пелушском погосте, и день святых Флора и Лавра (*Hloran päi*) (18/31.08) в д. Остров считались «лошадиными» праздниками (*hebon praznik*). Праздник Рождества Пресвятой Богородицы – *Emaganpäi* (8/21.09) в д. Сидорово, имел, видимо, древнюю подоснову, связанную с женским божеством. В этот день приводили по завету к часовне крупный рогатый скот.

Своеобразием отличался праздник Ильинской Пятницы (*Pätnicpäi*), отмечаемый в Лепруцкой пустыни. Весьма развитой была обрядность Иванова дня (*Inampäi*) (24.06/7.07). К этому дню собирали растения, обладавшие целебными свойствами, вязали веники, которыми парились в случае болезни. Существовали поверья о явлении кладов в Ивановскую ночь. К Ильину дню (*Illänpäi*) (20.07/2.08) заканчивался сенокос. В этот день существовал строгий запрет на выполнение сельскохозяйственных работ.

Наибольшую значимость в формировании локальной общности южных вепсов приобрели те праздники, которые отмечались в центре их религиозной, культурной, а до XIX в. и административной жизни — на Пелушском погосте.

В третьем разделе главы 3 описываются традиционные представления и верования южновепского населения.

Предки современных вепсов приняли православие еще в начале II тыс. н.э. Восприятие церковных догматов вепсами было затруднено в связи с отсутствием религиозной практики на родном языке. Несмотря на плохое знание русского языка, необходимый минимум вероучения они осваивали. Православие не вытеснило полностью традиционных дохристианских представлений вепсов, элементы которых широко бытовали у вепсов в XX в., а часть их сохранилась до настоящего времени.

Длительное проживание русских и вепсов на смежных территориях в близких природно-географических условиях и социальной среде повлияло на сходство в духовной

культуре, в том числе мифологии. Например, идентичны представления о так называемом «ратном черве» или «червоной змейке» у русского населения и *ozamadõžet* у южных вепсов.

До настоящего времени у южных вепсов сохраняются развитые представления о колдовстве. Под влиянием христианства у вепсов сложились различные жанры мифологических рассказов о нечистой силе (черте), о проклятых, потерявшихся людях, о являющихся покойниках.

Тесная связь с лесом способствовала сохранению у южных вепсов элементов почитания деревьев, таких как можжевельник, рябина, сосна, ольха, береза, ель. Этнографические материалы позволяют выделить ель как наиболее мифологически значимое для вепсов дерево. Важный пласт, характеризующий традиционное мировоззрение, составляют этиологические рассказы о животных.

У южных вепсов широко распространены мифологические рассказы, отражающие представления о персонажах народной демонологии: «лесных хозяевах», духах, связанных с жилищем, реже отмечены былички о «хозяевах» хозяйственных построек и водяном. На их основе выявляется моделирование обществ мифологических «хозяев» по типу человеческой семьи. Большинство рассказов о мифологических персонажах имеют аналогии в фольклорной традиции народов лесной зоны Восточной Европы.

Более архаичным, чем у средних и северных, у южных вепсов выглядит образ водяного, сохранивший представления, восходящие к прибалтийско-финской общности. Так, наряду с распространенным во всех этнолокальных группах названием *vedhiine*, у южных вепсов зафиксированы наименования *turžaz*, *vezituržaz*, которые можно сопоставить со встречающимся в карельских и финских рунах мифическим морским великаном-чудовищем *Iku-Turso* («вековечный Турсо»).

Целый комплекс верований был связан с традиционным хозяйством южных вепсов, в том числе с основным занятием — земледелием. До начала XX в. у южных вепсов существовали представления о духе воровства зерна *kühärō-kaharō*, образ которого отражает, вероятно, влияние древнебалтийской мифологии.

Существенный культурный пласт представляют рассказы о врагах, в которых предки вепсов выступают как страдательная сторона. Такие предания характерны для южных и части средних вепсов, а также соседнего русского населения. При этом имеются определенные различия. Если у южных вепсов в качестве врагов выступают Турки (реже Татары), то у средних вепсов, тихвинских карел и русских это Литва. С нападением врагов

связывается у вепсов возникновение могильников *kāmišt*, аналогичных жальникам у русского населения. Кроме того, южные вепсы таким же образом трактуют возникновение так называемых «*neičiden kopad*» («девичьих ям»).

Таким образом, традиционные представления и поверья южных вепсов, имеют как сходные черты с аналогичными представлениями соседних групп вепского и русского населения, так и отличаются некоторым своеобразием.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Формирование южных вепсов и их этническая история определялись как природно-географическими, так и социально-экономическими факторами.

Ареал расселения южновепской группы расположен в зоне южной тайги на водораздельной территории, окруженной заболоченными пространствами. Согласно источникам этот регион всегда находился на периферии административных образований различного уровня. В то же время, здесь сформировался полигон, где на протяжении длительного исторического периода происходило этнокультурное взаимодействие прибалтийско-финского и славянского населения.

Локальная обособленность, преобладание внутренних экономических и общественных связей способствовали относительной изоляции населения, определили характер хозяйственной деятельности, основные компоненты материальной, социальной и духовной культуры, а также привели к формированию диалектных особенностей.

С одной стороны, значительная удаленность от экономических, административных, религиозных центров, труднодоступность территории тормозили социально-экономическое развитие южных вепсов, способствовали более полному сохранению по сравнению с другими группами архаических элементов культуры. С другой стороны, являясь «пограничной» с русскими группой, южные вепсы испытывали более мощное славянское влияние. Эти две тенденции в полной мере отразились в южновепском диалекте.

Если архаические элементы сохранялись главным образом в области хозяйственной деятельности, материальной культуры и традиционных представлений, то русское воздействие рельефнее проявлялось в относительно поздно возникших занятиях, в социальной сфере, в религии и связанных с ней обрядах.

Со второй половины XIX в. в связи со сменой социального статуса (отмена крепостного права), развитием капиталистических отношений, южные вепсы начинают более

интенсивно вовлекаться в экономическую жизнь региона, прежде однородная в социальном отношении общность начинает дифференцироваться, в быт проникают атрибуты городской культуры. С начала XX в., а особенно после проведения коллективизации, внедрения системы всеобщего образования в традиционной культуре вепсов происходят значительные изменения.

Однако ее трансформация носила у южных вепсов неоднородный характер. Так, хотя костюмный комплекс этой группы был близок таковому у соседнего русского населения, однако, что вытекает из диссертационного исследования, в нем дольше сохранялись некоторые архаические прибалтийско-финские и региональные черты. С середины XX в., когда происходит практически полная унификация повседневной одежды, отдельные традиционные компоненты продолжают использоваться во время праздников, а также участниками местного фольклорного коллектива. В этой связи постепенно утрачивался и комплекс занятий, связанных с сельским ткачеством. Во второй половине XX в. активно происходит и вытеснение из обихода самодельной утвари, которая изготовлялась в основном из древесины. В то же время, следует отметить стойкое сохранение многих блюд традиционной кухни, навыков плотницкого ремесла, изготовления транспортных средств, некоторых орудий труда.

В духовной культуре южных вепсов на протяжении всего XX в., что следует из диссертационной работы, сохранялись существенные архаические элементы. Традиционные верования переплетались с православием. Еще в 1950–1960-е гг. здесь широко отмечались народные праздники, приуроченные к датам церковного календаря, но обладающие своей спецификой. До настоящего времени стойко сохраняются представления, связанные с колдовством и магическими практиками.

Этнокультурное взаимодействие русского и вепского населения в последние полтора века имело разносторонний характер и оказало существенное влияние на этнокультурную ситуацию в регионе и трансформацию этнического самосознания вепсов.

Для южных вепсов важнейшим фактором самоидентификации является язык. Именно здесь произошли значимые изменения, которые к настоящему времени ставят под вопрос существование этой этнолокальной группы. До 1960-х гг. южные вепсы использовали в общении между собой исключительно родной язык. Но затем молодое поколение практически полностью перешло на русскую речь и перестало воспринимать вепский язык

как родной. Непрестижность вепсского языка была связана с отсутствием его официально определенного статуса, а также с утратой межпоколенных связей. Прежде однородная вепсская этноязыковая среда в настоящее время значительно размыта. Смешанные браки являются частым явлением, дети от них, как правило, растут в русской языковой среде и вепсской речью не владеют. Ситуация с языком во многом породила и нечеткое представление об этнической самоидентификации. Длительное бытование архаичных элементов традиционной культуры южных вепсов отражалась на восприятии этой группы соседним русским населением, как отсталой в хозяйственном и бытовом отношении и породило низкую оценку их социального статуса.

В настоящее время происходит утрата этнического своеобразия, языка и, как следствие, прогрессирующая ассимиляция южных вепсов. Сами вепсы осознают это, полагая, что народ исчезнет после утраты разговорного языка. Проблема сохранения этнокультурного своеобразия в настоящее время не является приоритетной для большинства южных вепсов. Интерес к национальной культуре, истории, языку проявляют в настоящее время, прежде всего, люди с высоким уровнем образования.

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Егоров С. Б. Динамика изменений этнолокальной группы южных вепсов в XX — начале XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 3. 2013. СПб., 2013. С. 98-103.

2. Егоров С.Б. Изучение вепсов на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5(43): в 3-х ч. Ч. II. С. 81-84.

3. Егоров С.Б. Лесозаготовительный промысел у южных вепсов в конце XIX – первой половине XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 59-62.

Публикации в других научных изданиях

4. Егоров С.Б. Новые сведения о традиционном хозяйстве и материальной культуре южных вепсов (итоги экспедиционных работ 1990-1993 гг.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: Межвуз. сб. / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 1997. С. 131-142.

5. Егоров С.Б. Предания вепсов о Петре I // Петербург и Россия. Петербургские чтения - 97 / Ответственный редактор Ю.В. Кривошеев. СПб., 1997. С. 127-131.

6. Егоров С.Б. К этнонимике вепсов // II Царскосельские чтения. Научно-теоретическая межвузовская конференция с международным участием. 27 - 28 апреля 1998 года. Тезисы докладов и сообщений / Под общей редакцией профессора В.Н. Скворцова, профессора Г.В. Стельмашука. Том I. СПб., 1998. С. 216-219.

7. Егоров С.Б. Традиционные занятия, представления и предания южных вепсов (по материалам поездки в Радогощинскую вол. Бокситогорского района Ленинградской области в 1996 г.) // Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). I и II Межведомственные научные конференции аспирантов и студентов (Краткое содержание докладов). СПб., 1998. С. 17-18.

8. Alexandr Gadlo & Alexei Novozhilov & Anton Chistyakov & Sergey Egorov. Study on the Ethnic Contacts on the Territory of South Ingria and in the Zone of the Vepsian-Russian Boundary // *Ingrians and Neighbours. Focus on the eastern Baltic Sea region (Studia Fennica Etnologica 5)* / Edited by Markku Teinonen, Timo J. Virtanen. Helsinki, 1999. S. 122-152 [Sergey Egorov. The Veps people and thier cultural contacts with the Russians. S. 143-152].

9. Егоров С.Б. Южные вепсы (образование этнолокальной общности) // III конгресс этнографов и антропологов России 8-11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999. С. 182.

10. Егоров С.Б. Современные этнокультурные особенности русских Новгородской области и вепско-русского пограничья на востоке Ленинградской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Краткое содержание докладов IV межведомственной научной конференции аспирантов и студентов / Под ред. А.В. Гадло. СПб., 1999. С. 8-9.

11. Егоров С.Б. Представления о традиционных мифологических персонажах у современного населения Северо-Запада Европейской России // IV конгресс этнографов и антропологов России 20-23 сентября 2001 г. Тезисы докладов. М., 2001. С. 274.

12. Егоров С.Б. Феномен русско-вепского пограничья // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. Сборник научных трудов / Редколлегия: О.М. Фишман, А.Ю. Заднепровская. СПб., 2002. С. 189-196.
13. Егоров С.Б. Общее и особенное в духовной культуре и верованиях озерян и южных вепсов (по материалам полевых исследований 1999 и 2002 гг.) // Материалы Международной научной конференции «Религиозная ситуация на Северо-западе России и в странах Балтии». 9-10 декабря 2002. СПб., 2002. С. 79-83.
14. Егоров С.Б. Вепсы–переселенцы в Сибири // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9-12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. С. 211.
15. Егоров С.Б. Предания, легенды и мифологические рассказы вепсов // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. науч. ред. В.М. Грусман, А.В. Коновалов. СПб., 2003. С. 128-129.
16. Егоров С.Б. Этнокультурное развитие и хозяйство приютских вепсов во второй половине XX – начале XXI века // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2003 г. Материалы VIII Региональной научной конференции молодых ученых / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2003. С. 7-17.
17. Егоров С.Б. Пища и утварь / Вепсы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 396-402.
18. Егоров С.Б. Способы передвижения и транспорт / Вепсы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 402-405.
19. Егоров С.Б. Локальные группы населения востока Ленинградской области // Университетские Петербургские Чтения / Под редакцией Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. СПб., 2003. С. 477-483.
20. Егоров С.Б. История этнографического изучения южных вепсов (конец XIX-XXI в.) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 295-297.
21. Егоров С.Б. Этнокультурные процессы XX – начала XXI в. в Тихвинском районе Ленинградской области // Полевая этнография: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2004. С. 110-113.

22. Егоров С.Б. Топонимия и устная история (по полевым материалам центральных и восточных районов Ленинградской области) // Полевая этнография: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2004. С. 241-245.

23. Егоров С.Б. Санкт-Петербург и южные вепсы (конец XIX в. — 1930-е годы) // Этнография Петербурга–Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. и отв. редактор Н.В. Юхнева. СПб., 2004. С. 307-313.

24. Егоров С.Б. Корвальские вепсы: формирование локальной группы, демографическое развитие, некоторые особенности хозяйства и культуры в XIX–XX вв. // Динамика этнической культуры народов России. Сб. статей. Памяти проф. А.В. Гадло / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2004 (Историческая этнография. Вып. 2). С. 179-194.

25. Егоров С.Б. Вепско-русское межэтническое взаимодействие // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 237-248.

26. Егоров С.Б. Вепсы Шугозерья во второй четверти XX - начале XXI века // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Международный научный семинар 5-6 октября 2006 в г. Санкт-Петербурге в Российском этнографическом музее (ул. Инженерная, 4/1). Программа и тезисы. Хельсинки, 2006. С. 15-16.

27. Егоров С.Б. Традиционные праздники приоятских вепсов в начале XXI в. (По полевым материалам 2003 г.) // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 г. Вологда, 2006. С. 86-95.

28. Сергей Егоров. Вепсы Шугозерья во второй четверти XX – начале XXI века // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIV. Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Семинар в г. Санкт-Петербурге 5-6 октября 2006 г. / Редакторы сборника Петра Синисало-Катайсто и Эдвард Хямялайнен. Хельсинки, 2007. С. 107-125.

29. Егоров С.Б. Глава 2. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские) // Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур: По материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007. 174 с. (с. 68-126, 158-168).

30. Егоров С.Б. Некоторые предварительные результаты исследований 2008 г. на востоке Ленинградской области // Полевая этнография — 2008: Материалы международной научной конференции / Под ред. В.А. Козьмина, Н.В. Юхневой, И.И. Верняева. СПб., 2010. С. 69-73.